

[00:02:43] [Начало записи]

Николай Коломейцев: Вероятно, пребывание с 2012 года России в ВТО посеяло пессимизм в рядах, и желающих с этим явлением согласиться или не согласиться, крайне мало. Но мы очень признательны тем, кто все-таки набрался энергии после уже прошедших дискуссий по другим темам, пришли сюда, и разрешите мне по поручению оргкомитета, вместе с Вячеславом Вадимовичем Прониным открыть нашу конференцию, где мы планируем вместе с вами обсудить:

- Вступление России в ВТО: за и против;
- Международная альтернатива ВТО: путь к равной торговле или разглагольствование и PR;
- Были ли позитивные эффекты от членства в ВТО для России;
- Почему ВТО не «спасло» Россию от санкций;
- И успешная внешнеторговая политика: уникальный опыт стран мира.

Здесь нам удалось с помощью наших друзей привлечь двух экспертов, это Даниэл Аграмонт, он координатор по экономическому развитию Фонда имени Фридриха Эберта, консультант правительство Боливии по вопросам ВТО. Давайте поприветствуем.

А также Хавьер Эчаиде, организатор Контр-Саммита против ВТО в Буэнос-Айресе, доцент Университета в Буэнос-Айресе их далекой Аргентины.

Если позволите, несколько слов для вступления. Я – Коломейцев Николай Васильевич, первый заместитель руководителя фракции КПРФ в Государственной Думе, первый заместитель председателя комитета, человек, который вместе с оргкомитетом Московского экономического форума, зная реальную ситуацию, еще в 2012 году пытались организованно понудить правительство вообще-то заняться серьезным вопросом, а не вступать с кондачка.

Мы, в том числе, подготовили запрос в Конституционный суд Российской Федерации. На первом этапе до ратификации соглашения Марракешского, Конституционный суд в полном объеме рассмотрел. А я хочу вас проинформировать, если кто не знает, к сожалению, несмотря на 17,5 лет ведения переговоров, наши бизнесмены, да и многие, в том числе институты, фактически не были посвящены в детали переговоров. Подчеркиваю, 17,5 лет правительство Российской Федерации вело переговоры.

[00:05:26]

В результате, наши конкуренты знали лучше условия, которые подписывает Россия и, естественно, предпринимали соответствующие меры. Для сравнения: Китай вел переговоры 7,5 лет. Но что делал Китай? Мы, пытаюсь казаться больше, чем мы есть, при двух процентах мирового ВВП, вступали на условиях развитой страны. Китай, как более прагматичная страна, проанализировали все и фактически вступали на условиях развивающейся страны. Но они за 7,5 лет создали университет ВТО, где подготовили 20 тысяч специалистов. Мы не сделали ничего фактически в стране.

Провели тренировку их на торговых войнах, начиная с Америки, Юго-Восточной Азии, Европы и, в принципе получив колоссальные преференции, на самом деле, с моей точки зрения, полностью защитили свой рынок. Создали колоссальные заделы для защиты своего рынка и поддержки своего производства при том, что фактически провели серьезную модернизацию структурной экономики, построив более тысячи предприятий полного цикла с коэффициентом локализации выше 70%.

Если сравнить, скажем, наши итоги за шесть лет и китайские, то они в шесть раз увеличили товарооборот с миром и экспорт своей продукции. У нас падение в два раза. Китайцы получили для экономики колоссальные в долларах, 1,5 трлн долларов, составил внешнеторговый оборот плюсом к тому, что у них было. Мы потеряли: прямых потерь 881 млрд, а косвенных – 12 трлн. И самое страшное, что мы фактически открыли свой рынок и все те опасения, которые мы высказывали на стадии перед ратификацией, фактически оправдались. Даже те, кто лоббировал этот процесс, – энергетики и металлурги, – они все оказались фактически в минусах.

Потому что вы видите, что, несмотря на то, что ВТО это в принципе, первая заповедь и задача – упрощение торговли и доступ на рынки, спасло ли это нас от санкций? Вы видите, что, несмотря на то, что есть суд ВТО, но суд ВТО какие решения принял по санкциям в отношении нас? Пока никаких. Посмотрите, какие решение принял Стокгольмский суд в противостоянии «Газпрома» с «Нафтогазом». Они же политизированы.

И самое главное, мы должны с вами понимать, что в принципе, все международные организации являются инструментом продавливания своих решений доминирующих стран. Скажем, если американцы имеют от мирового ВВП 30 с небольшим процентов, то в принципе они как бы лоббируют все интересы по продавливанию своих решений. Смотрите, несмотря на то, что у нас сегодня сельское хозяйство из консолидированного бюджета финансируется 1,4%, у американцев – 33. Сегодня уж Трамп, вот они у нас вроде как оппоненты жесткие, но продавил решение через наше правительство о возвращении «ножек Буша». Об этом не говорят, но это уже состоявшийся факт.

Если вы посмотрите дальше, у нас сегодня американцы в принципе задавливают все, что у нас еще работает. Сегодня приняты санкции в отношении металлургов и по алюминию, и по сталепрокату. И вы видите риторику, они будут только нарастать. Поэтому мы хотели бы в ходе дискуссий, я приготовил слайды, но специально вам не показываю, чтобы вы имели возможность высказать свое, а мы на финише, с вашего позволения, с Вячеславом Вадимовичем потом подведем. Я передаю слово своему коллеге.

[00:10:02]

Вячеслав Пронин: Спасибо. Добрый вечер. Очень приятно, что после такого трудного рабочего дня вы все-таки дошли до этой секции. Я считаю, что сегодняшняя тема, она, действительно, одна из наиважнейших на глобальной повестке российской экономики, потому что внешнеторговая политика, внешняя политика, это наиболее актуальный вопрос. И я хотел бы, чтобы мы смотрели на тематику сегодняшней конференции немножко шире, чем ВТО. Я бы хотел на это смотреть, как на вообще все аспекты международной торговли. Как раз тут есть вопросы по поводу опыта зарубежных стран,

позитивного. И антиВТО, организации, которая вносит в свои идеологии антиидеалы ВТО. У нас как раз есть гости, которые расскажут об этом поподробнее и очень интересно.

Я не буду долго вводным словом отвлекать ваше внимание, я думаю, интереснее все-таки послушать наших гостей. Но перед тем, как мы двинемся дальше, еще хочу представить одного из нашей команды, это Владимир Самохвалов, активный участник некоей аналитической и идеологической борьбы против вступления в ВТО на тех условиях, на которых Россия присоединялась к этой организации. То есть это одна из сторон, которая все-таки выступала за разумную оценку возможностей России в этой организации, и за пересмотр все-таки тех условий, чтобы увеличить выгоды для нашей страны. Теперь, наверно, дальше двинемся.

Николай Коломейцев: Да, уважаемые коллеги. Есть предложение регламент такой утвердить. Учитывая, что у нас полтора часа, мы предлагаем половину отдать записавшимся семи докладчикам по семь минут, а остальное время дать возможность для свободной дискуссии и потом подведение итогов. Не будет возражений против такой постановки? Спасибо. Тогда слово предоставляется Даниэлу Аграмонт.

Даниэл Аграмонт: Спасибо. Я хочу поблагодарить Московский экономический форум за приглашение и поговорить о Боливии и ее позиции в отношении ВТО. Во-первых, я хочу напомнить вам, что у нас сейчас особенный момент на глобальном уровне. Мы столкнулись с кризисом многосторонних институтов, кризисом управления. И в Боливии мы видим это как... Добро пожаловать в наш мир. Добро пожаловать в положение развивающихся стран в 1980-е годы, в 1990-е годы. Это позиция больших и сильных стран против многосторонности. Она была неизменной на юге в течение последних трех десятилетий. Поэтому я хочу напомнить, как Боливия вошла в эти многосторонние, глобальные институты.

Во-первых, у нас была модель развития, называемая импортозамещением с 1950-х до 1980-х годов, но из-за серьезного экономического кризиса мы приняли новую модель, которую позже назвали Вашингтонским консенсусом. Эта неолиберальная модель применялась в Боливии с 1985 года. Именно по этой причине мы вступили в ГАТТ в 1990 году, а затем участвовали в переговорах по ВТО. Но до того как эта неолиберальная модель была применена, мы не хотели иметь ничего общего с ней, потому что у нас была модель развития, драйвером которой было государство. Сообщество [нрзб.] сильно ориентировалось государство и способствовало развитию промышленности и строительства. И мы поняли, что ГАТТ, а затем и ВТО, не участвовали в этом. Но затем мы применили неолиберальную модель, которая пыталась уменьшить роль государства и использовать модель Рикардо. В соответствии с ней, должны выживать только самые эффективные отрасли промышленности и [нрзб.].

Так что в 1990-е годы, помимо присоединения к ГАТТ и ВТО, мы подписали много двусторонних инвестиционных договоров, и в одностороннем порядке открыли экономику. Все это продолжалось только 15 лет. В 2000 году у нас снова случился экономический кризис, который показал всю ту боль неолиберализма, к которой привела к приватизация государственных предприятий. В ходе сокращения промышленности

умерли те немногочисленные промышленные предприятия, что у нас были. Например, у нас больше нет текстильной промышленности. Таким образом, помимо всей этой боли для людей, не было никаких выгод с точки зрения экономического роста. Экономический рост был действительно низким, и прогнозы были неутешительные. Экономический кризис вызвал новые социальные волнения, и все это стало предпосылками для формирования антиглобалистского движения.

В Боливии эти годы были так называемая Газовая война и Водная война. Это были уличные народные движения, требующие национализации водохозяйственных компаний, а затем компаний, продающих углеводороды. И на всем этом фоне Эво Моралес пришел к власти в 2006 году, потому что он пообещал выгнать неолиберализм, Международный валютный фонд и прекратить всю эту политику. Поэтому, когда он был избран, через шесть месяцев он национализировал газовую компанию, а затем Боливия снова повысила импортные тарифы. И Боливия говорила всем странам, что у нас больше не будет этих двусторонних инвестиционных договоров. И вот теперь Боливия стала действительно закрытой страной. Импортные пошлины доходят почти до 40%, но мы по-прежнему являемся членами ВТО. Эво Моралес обещал больше не следовать политике Международного валютного фонда, но в отношении ВТО у него нет такой политики. Я думаю, это связано с тем, что правительство Боливии, которое ненавидит эту неолиберальную модель, считает, что ВТО является стагнирующим блоком, который не наносит никакого вреда, потому что правила не расширяются.

Так что мы предпочитаем быть частью блока ВТО в котором есть правила, и эти правила помогают нам больше торговать с миром, но это тот блок, который не заставляет страны подписывать новые договоры. В любом случае, если ВТО возобновится, и договоры будут обязательными, я думаю, что Боливия выйдет из ВТО. В частности, я говорю о темах, которые подняли президент и министр иностранных дел, что Боливия никогда не будет стороной соглашений в сфере интеллектуальной собственности, торговли услугами, государственных закупок. Так что теперь, когда мы ведем переговоры только по этим вопросам, Боливия без проблем является участником ВТО. Но в 2006 году Боливия уже сорвала переговоры с ЕС из-за таких действий. Боливия сказала: «У нас нет проблем в переговорах о доступе на рынок. Мы можем говорить о ставках и пошлинах. Мы можем говорить о нетарифном регулировании, но мы не можем обсуждать интеллектуальную собственность или услуги, потому что это заложено в нашей конституции.

Напомню, что в 2009 году Боливия приняла новую конституцию, в которой говорится: «Мать-природа и люди ставятся выше корпораций». У нас есть много статей об этом. Таким образом, разговоры о приватизации или интеллектуальной собственности были бы неконституционными для любого правительства, в отличие от других левых сил в Южной Америке, которые больше не находятся в правительстве. В Боливии у администрации Эво Моралеса есть конституция, запрещающая такие моменты, и поэтому нам придется выйти из ВТО, если ВТО вновь об этом серьезно заговорит. Но поскольку мы рассматриваем этот блок как некий набор правил и попытку продвигать эти правила, у нас нет проблем.

И самый главный вопрос, на котором я хочу закончить, что мы можем сделать с электронной торговлей? Это то, что мы считаем скрытой повесткой дня. На данный момент у нас нет таких проблем, но если переговоры об электронной коммерции продвигаются, Боливии придется отказаться, потому что тема электронной коммерции поднимает давнюю дискуссию о либерализации или не либерализации того, что хотят корпорации. В то же время они же хотят, чтобы все было бесплатным. Например, для либерализации они используют данные и нефизическое присутствие. Мы все еще пытаемся понять, как мы можем потребовать от Google и Facebook открыть офисы в нашей стране, платить налоги и подвергаться регулированию. Однако мы знаем, что у них есть такая скрытая повестка, и надеемся, что данный блок все равно будет стагнировать, следовательно, не возникнет проблем с наличием правил, помогающих нам торговать больше, и в то же время либеральных правил будет не очень много.

[00:20:41]

Николай Коломейцев: Спасибо, Даниэл, вы очень точны. Уважаемые коллеги, есть возможность задать вопросы нашему коллеге. Я позволю себе задать первый вопрос. Скажите, пожалуйста, у нас ведь правила ВТО предполагают, что решение суда ВТО является надправительственным, и в принципе, изменением Конституции от него уйти нельзя. Спасибо.

Даниэл Аграмонт: Итак, в настоящее время ВТО позволяет нам продавать наши товары, но мы должны помнить, что Боливия продает преимущественно сырье. Поэтому в любом из сценариев, в которых мы выйдем из ВТО, главный страх – наличие новых мер, которые могут навязать нашей стране, но не тарифы. И в таком случае мы против этих двусторонних инвестиционных договоров из-за этих [нрзб.]

Николай Коломейцев: Спасибо. У коллег присутствующих есть вопросы к Даниэлу? Нет вопросов. Тогда слово предоставляется для доклада Олегу Юрьевичу Болдыреву. Пожалуйста.

Олег Болдырев: Добрый день, уважаемые участники конференции. Большое спасибо. Для меня, как для молодого исследователя, большая честь здесь выступать. Хотел оттолкнуться от того, о чем говорил вначале Николай Васильевич. Он упомянул, в том числе запрос, который был в Конституционный суд Российской Федерации по вопросу о конституционности присоединения к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО. И было два решения Конституционного суда. Было постановление 2012 года, и затем было отказное определение 2013 года.

И поэтому доклад хотел посвятить конституционно-правовым механизмам защиты национальных интересов не только при вступлении в ВТО, но и при вступлении в целом в международные организации, наднациональные объединения и в целом интеграционных процессах, а также при принятии иных международных обязательств, которые способны повлечь ограничение экономического суверенитета. Потому что, применительно к ВТО, значительная часть полемики велась вокруг того, что данные обязательства ограничивают экономический суверенитет Российской Федерации.

Первый распространенный механизм, который закреплен в Конституции большого количества государств, это усложненные процедуры вступления в наднациональные объединения при передаче им части суверенных полномочий, или в случае, если они могут иным образом оказать влияние на экономический суверенитет. Так, например, показательна Конституция Польши, предусматривающая, что в случае, если международные обязательства способны повлечь значительное финансовое обременение для государства, то перед подписанием соответствующего международного обязательства, требуется предварительно принятый закон, позволяющий президенту Польши принять соответствующие обязательства.

В Конституции Норвегии, Хорватии, некоторых других государств предусматривается, что ратификация осуществляется не обычным законом, как у нас федеральный закон, принимаемый в обычной процедуре, а лишь специально квалифицируемым большинством голосов. Более показательным в этом плане представляется основной закон ФРГ, поскольку он наглядно показывает осознание немцами того, что вопрос передачи части своего суверенитета – это вопрос не менее фундаментальный, чем вопрос внесения изменения в Конституцию. И поэтому для передачи части суверенных полномочий наднациональным объединениям основной закон ФРГ предусматривает ту же усложненную процедуру, которая требуется для внесения изменений в Конституцию.

[00:25:20]

Но некоторые государства еще более показательны, например, конечно, Швейцария, которая предусматривает вынесение подобного вопроса на референдум. Правда, в Конституции Швейцарии есть одна особенность. Там подряд 140 и 141 статьи разграничивают два понятия. Если Конституция России говорит об одном понятии – межгосударственное объединение, то Конституция Швейцарии устанавливает различные процедуры для вступления в наднациональные объединения и международные организации.

В случае если это наднациональное объединение, то обязательно проведение референдума. А в случае если международная организация, то так называемое факультативное проведение референдума, если этого потребует не менее восьми кантонов или не менее 50 тысяч избирателей. Но, несмотря на эту конституционную норму, реально Швейцария все подобные вопросы, в том числе вступление в международные организации, выносила на референдум.

И показательны не только те нормы, которые закреплены прямо в Конституциях, но и реальный опыт. Например, в 1992 году Конституционный совет Франции, выполняющий те же функции, которые выполняет наш Конституционный суд, принял решение, в соответствии с которым ратификация Маастрихтского договора невозможна без внесения изменений в Конституцию, после чего соответствующий вопрос был вынесен на референдум.

В Конституции Венгрии была даже внесена статья, которая устанавливала дату проведения референдума. Особенно показателен, конечно, пример Австрии, потому что это уникальный в мировой практике пример, когда на референдуме принималось

решение о том, в какой процедуре, и было принято решение об усложненной процедуре, будет осуществляться вступление в ЕС. Дания вступила в ЕС лишь по результатам повторного референдума, а в Норвегии также дважды проводился референдум, после чего Норвегия от вступления отказалась.

В России, как мы знаем, было отказано в проведении референдума решением Центральной избирательной комиссией, причем с юридической точки зрения, по сомнительным основаниям. Если будут вопросы – я с удовольствием на этом остановлюсь подробнее. И было два отказных решения Конституционного суда. Также показателен пример Украины, где было оказано в проведении референдума по вопросу о вступлении в ассоциацию с ЕС, но показательно, что при этом в Голландии был проведен референдум о том, ратифицировать ли поправку вступления Украины в ассоциацию с ЕС. Это очень интересный пример, что для государства, которому это более актуально (Украина) там не дали провести референдум. А для государства, чьи национальные интересы это, может быть, затронет косвенно, я имею в виду Голландию, референдум был проведен.

Второй механизм, на который хотелось обратить внимание, это та важная оговорка, которую делает ряд конституций, и которую не делает наша Конституция. В Конституции России в 79 статье сказано, что Российская Федерация может передать часть суверенных полномочий межгосударственным объединениям, если это не противоречит правам и свободам и основам конституционного строя. Но в отличие от некоторых конституций, в том числе Италии, не сделано важной оговорки, что только на условиях взаимности. Так, присоединяясь к ВТО, на ратификацию в парламент не были представлены встречные условия тех государств, с которыми Российская Федерация вела переговоры, а без знания встречных условий других государств мы не можем оценить степень оправданности наших уступок.

Третий механизм, на который хотелось бы обратить внимание. Он завязан на признании приоритета международного права. Но если в Конституции России в 15 статье закрепляется приоритет любого международного договора, то ряд конституций, в том числе Польши, Португалии и других государств, предусматривают приоритет лишь ратифицированного международного договора. Это важный конституционно-правовой механизм, который избавляет от тех проблем, с которыми недавно столкнулась Россия в рамках так называемого дела бывших акционеров «ЮКОСа» изначально в Гаагском третейском суде, проигранного, хотя юрисдикция Гаагского третейского суда определялась не ратифицированным договором к Европейской энергетической хартии.

Четвертый механизм. Конституция России предусматривает юридическую силу не только международных договоров, но и так называемых общепризнанных принципов и норм международного права. Среди юристов-международников ведутся дискуссии о том, как толковать данный термин. И представляется, что очень полезным мог бы быть тот механизм, который использует Германия. В основном законе ФРГ, с одной стороны, также говорится про приоритеты общепризнанных принципов и норм, а в статье 100 основного закона ФРГ сказано, что в случае возникновения сомнения, относится та или иная норма к общепризнанным, данный вопрос будет разрешаться Федеральным конституционным

судом Германии. То есть этот вопрос не отдается на откуп международному сообществу, а сохраняется суверенное право толковать, является или не является та или иная норма общепризнанной.

И последний механизм, на который я хотел бы обратить внимание. Он касается для нас в ВТО, а в целом в мире многих международных организаций, – это вопрос о возможности выхода из тех международных обязательств, тех международных организаций, которые представляются не соответствующими национальным интересам. Здесь тоже используются конституционно-правовые инструменты. Сначала приведу пример общеизвестный, это референдум 2016 года в Великобритании о выходе из ЕС.

[00:30:07]

Но хотел бы обратить внимание на менее известный пример. В 2012 году перед Конституционным судом Германии стоял вопрос о конституционности ESM – Европейского механизма стабильности, и членства Германии в нем. И Конституционный суд Германии, несмотря на то, что он в целом признал данный механизм конституционным, тем не менее, сделал важную оговорку, что в случае, если впоследствии выяснится, что это противоречит национальным интересам, то Германия, как суверенное государство, имеет право выхода. Представляется, что это очень важный прецедент, на который в будущем могли бы ссылаться и мы.

И последнее, чем хотелось бы закончить свой доклад. Тот спектр механизмов конституционно-правовых, который я описал, завязан, с одной стороны, если выражаться терминологией экономической и политологической, защитой национальных интересов. Если выражаться терминологией юридической, то он завязан на защиту экономического суверенитета государства. И парадокс, что проблематика экономического суверенитета довольно активно обсуждается среди экономистов, среди политологов, в юридической науке только начинает разрабатываться.

Только в прошлом 2017 году была утверждена Стратегия экономической безопасности до 2030 года, где было дано официальное, хотя и представляется довольно сомнительным, определение экономического суверенитета, как объективно существующего состояния государства в связи с принятыми им международными обязательствами. Представляется, что это определение требует уточнения, с одной стороны. А с другой стороны, представляется, что необходимо внедрять, в том числе апробированные в зарубежном опыте инструменты юридические, в том числе конституционно-правовые, защиты экономического суверенитета государства и национальных интересов. Спасибо. С удовольствием отвечу на вопросы.

Николай Коломейцев: Спасибо за лаконичность. Вопросы? Пожалуйста.

Вячеслав Пронин: Небольшой комментарий. Очень понравилось как раз последнее ваше предложение, последняя норма. Мне кажется, США нас опять опередили. Они примерно по этой же причине ввели пошлины без всякого расследования на металлы со всего мира. То есть они заявили, что существует угроза национальным интересам национальной безопасности США, и после этого для всего мира, по сути, обрушили рынок металлов,

рынок стали и рынок алюминия. Мне кажется, у них такие же талантливые юристы в администрации, которые очень четко понимают, как пользоваться механизмами, которые в их руках находятся.

Николай Коломейцев: У них право силы.

Вячеслав Пронин: Сначала надо знать, потом применять, то есть постепенно.

Николай Коломейцев: Пожалуйста.

Олег Губенский: Губенский Олег Владимирович, председатель ассоциации. Ключевой для меня вопрос – чем, в конце концов, регулируются полномочия ВТО по решениям судов. Есть прецеденты по судам ВТО по Индии, которые идут на протяжении уже 25 лет. И идут бесконечные консультации. Собственно, никаких силовых путей решения проблемы в данном случае нет, либо на него не идут. Вопрос к вам, как к юристу.

Олег Болдырев: Спасибо большое. Марракешское соглашение и приложение к нему, с одной стороны, как будто бы предусматривает возможности выхода из ВТО, с другой стороны, они не устанавливают порядка. И мы знаем, что до сих пор эта проблема не решенная, поскольку к государству, которое пытается выйти из ВТО, могут быть обращены огромные иски на многомиллиардные суммы в связи с изменением условий торговли. Причем практика показывает, что данные иски могут быть обращены не только по существующим на данный момент обязательствам, но вот я вижу Александра Ждановского, который очень подробно в своих работах описывал этот механизм, предусматривающий обязанность государства, участвующего в ВТО, регулярно продолжать либерализацию принятых обязательств.

И в связи с этим представляется, что более надежным юридическим механизмом было бы формально не денонсация соглашений, не выход из ВТО, а признание изначальной недействительности присоединения к ВТО, в силу целого ряда нарушений, в том числе, конституционно-правовых нарушений в ходе присоединения. Здесь можно было бы апеллировать к Венской конвенции о праве международных договоров. Ключевой вопрос оценки этих нарушений. К сожалению, пока Конституционный суд Российской Федерации ни в постановлении 2012 года, ни в определении 2013 года на них не обратил внимания.

Но представляется, что ключевыми механизмами могли бы стать, во-первых, указание на отсутствие официального перевода на государственный язык всей документации при присоединении к ВТО. Во-вторых, невыполнение Конституционным судом Российской Федерации полномочия, предоставленного ему Конституцией и законом. Дело в том, что по закону Конституционный суд Российской Федерации проверяет на соответствие Конституции текст международного договора, не ратифицированного международного договора.

[00:35:06]

Если же мы посмотрим постановление 2012 года, то мы увидим, что Конституционный суд фактически проанализировал лишь преамбулу к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО. Более того, в соответствии с Марракешским соглашением, автоматически на Российскую Федерацию распространились иные обязательства. Это

обязательства ГАТС, ТРИПС, других соглашений, которые вообще не анализировались Конституционным судом, а также в полном объеме не были представлены Парламенту на ратификацию. И представляется, что есть ряд иных зацепок.

Я в данном случае обращал внимание на конституционно-правовые зацепки. Но среди юристов-международников ведется дискуссия по поводу того, можно ли в качестве зацепки использовать введенные против нас санкции, введенные не в соответствии с правилами ВТО, тоже как одну из зацепок для выхода, или для признания изначальной недействительности присоединения к ВТО. Спасибо.

Николай Коломейцев: Спасибо. Я напому вам, 49 тысяч страниц специального текста не были переведены на русский язык. И, к сожалению, Конституционный суд второй раз фактически, по сути, отказался рассматривать его по политическим мотивам. Еще вопросы есть к докладчику? Спасибо большое.

Олег Болдырев: Спасибо.

Николай Коломейцев: Слово предоставляется Александре Александровне Ждановской. Она политолог, автор книги «Куда идет Россия за МВФ, Всемирным Банком и ВТО?». Пожалуйста.

Александра Ждановская: Добрый день. Я хотела бы поставить вопрос о ВТО в более широкий, может быть контекст. А именно в контекст экономической зависимости и ее различных форм. Именно поставить вопрос так: хочет ли Россия быть периферией? И еще обратить ваше внимание на очень интересное понятие, введенное Самиром Амином *extraverted economy*, то есть экономика, вывернутая наружу. О чем идет речь?

Все ресурсы текут из страны. То есть тут, мне кажется, очень важно для понимания этой проблемы межсистемный подход, понятие зависимости, понятие того, что существуют иерархичные структуры. И мне кажется тоже очень важным еще понятие для понимания процессов, связанных с ВТО, но не только с ВТО, а как раз понятие империалистической ренты, введенное Самиром Амином. Это как раз тот поток ресурсов из стран периферии в страны центра, обусловленные доминирующим положением стран центра.

И тут важным еще моментом, мне кажется, было бы ввести, но это с точки зрения видимости, что мы видим поток ресурсов. Но если еще к анализу этого добавить понятие стоимости, то есть с точки зрения стоимости империалистической ренты, это та часть прибавочной стоимости, которая создана населением периферии или полупериферии и передана капиталу стран центра. Если анализировать механизмы с точки зрения цены и стоимости, то мы увидим ряд механизмов. Их можно анализировать. И занижение цен на ресурсы.

Например, Самир Амин, в первую очередь, говорит о том, что международные корпорации пользуются дешевым трудом в странах периферии. И хочу обратить внимание, у Международной организации труда нет никакого суда, который мог бы добиваться достойной зарплаты на международном уровне. Сюда же, я думаю, возможно отнести и для Латинской Америки, например, отмену соглашений, которые регулировали раньше цену на кофе, которые способствовали тому, что международные корпорации

начали получать сверхприбыли в этой области. И завышение цен на те товары, которые производят сами страны центра путем как раз соглашений, например ТРИПС, и монополий на технологии. Также это касается и политики, которую проводит Международный валютный фонд, занижая валюты зависимых стран.

Если посмотреть с точки зрения различных форм экономической зависимости, где здесь находится ВТО, то я хотела бы обратить ваше внимание на эти формы. Мне кажется, их можно разделить. Это в принципе, обобщение идей Самира Амина и межсистемной школы. Зависимость существует в производстве. Во-первых, вопрос о том, что производит страна. То есть страны периферии и полупериферии ориентируются в основном на производство с низкой добавленной стоимостью.

[00:40:09]

Во-вторых, это технологическая зависимость. Вопрос стоит о том, как страна это производит. Это ориентация стран периферии на трудоемкие отрасли. И тут как раз стоит вопрос дешевого труда. А, собственно говоря, торговая зависимость основывается на производственной зависимости.

То есть, если мы не производим ресурсы, продукты с высокой добавленной стоимостью, то потом у нас будут невыгодные условия торговли, потом у нас будет не эквивалентный обмен, потом у нас не будет доходов для бюджета, и нас будут заталкивать все дальше в долговую зависимость, и так далее. Это взаимосвязь различных форм зависимости.

А если посмотреть роль различных международных организаций и соглашений, и попытаться посмотреть, как они соотносятся с этой схемой различных форм зависимости, то мы знаем, что с одной стороны, и Всемирный банк, и ВТО, у них есть различные теории о сравнительных преимуществах для стран периферии и полупериферии, и их очень долго убеждают в том, что им не нужны технологии. Есть у Валютного фонда монополия на неолиберальное видение кредитно-денежной политики, который уже просто своим проведением, высокими кредитными ставками душит то самое производство, которое могло бы возникнуть.

Есть ГАТТ соглашение по пошлинам, соглашение по сельскому хозяйству, которые запрещают пользоваться странам периферии и полупериферии протекционизмом, то есть тем, какими путями, собственно говоря, сами страны центра добились своими современными позициями центра. И также соглашение ТРИМС, которое не дает возможности финансировать программы по поддержке национальной промышленности.

Если взять технологическую зависимость, то, мне кажется, сюда можно отнести соглашение ТРИПС ВТО. Если взять дешевую попытку закрепить низкие зарплаты, то это, в частности, политика Всемирного банка. Мы знаем, что Трудовой кодекс, например в России, и ряд других реформ проводились при сотрудничестве Всемирного банка, его проектами. И можно потом посмотреть. ВТО, на самом деле, касается не только торговли. ВТО касается производства. И из него потом вытекают другие проблемы в торговле, финансовой сфере, и другие виды зависимости, которые взаимосвязаны.

Я хотела бы обратить внимание еще на вопрос долговой зависимости, который не всегда, к сожалению, осознается, и привести ряд фактов в связи с этим вопросом. Во-первых, последнее время происходит рост государственного внешнего долга, расширим определение, то есть это банков, государственных банков, государственных корпораций. У нас растет обслуживание государственного долга, а также гарантий государственного долга. Это сумма процентов, которые Россия выплатила с 1992 по 2015 год. Также есть потери от того, что мы обслуживаем государственный долг по заниженному курсу рубля. В это же время, вместо того, чтобы отказаться от политики долговой зависимости, Минфин проводит противоположную политику. Минфин повышает пороги по госдолгу и резко увеличивает его объемы.

И как выводы, Валютный фонд, Всемирный банк и ВТО являются тремя инструментами зависимости, обеспечивающие уплату странами периферии и полупериферии империалистической ренты корпорациям и банкам стран центра. Производственная зависимость создает торговую и финансовую. То есть нельзя решать одну проблему, не решая другие проблемы. Их надо все решать взаимосвязано.

И по государственному долгу, хотела бы обратить внимание на опыт общественного аудита государственного долга, успешно проведенных в ряде стран. Например, в Эквадоре, они добились 70-процентного списания долга перед международными частными банками. И эти деньги были направлены в образование, здравоохранение и так далее, поэтому есть много информации и много публикаций. Спасибо.

[00:45:11]

Николай Коломейцев: Спасибо. Здесь у меня есть более точные данные, потому что внешний долг у нас корпоративный значительно выше, чем есть у вас. Вообще это около 600 млрд долларов. Поэтому этот вопрос, вообще, внутренний долг Российской Федерации почти равен доходной части, 12 трлн рублей. Здесь вопросы серьезные, у вас хорошая презентация, я просто хотел вам помочь уточнить, будет полезно. Вопросы есть? Владимир?

Владимир: Скорее реплика даже. Хотел немного пооппонировать не по сути, а по причинам. Все-таки не хочется чувствовать, что мы живем в колонии такой.

Вячеслав Пронин: Почему?

Владимир: Потому что я больше, чем убежден, что вот эти все негативные тенденции, которые мы видим в своей экономике, это не от того, что какие-то внешние враги нас душат, а от того, что у нас внутри несколько бестолковая экономическая... Не совсем корректно, да. Не хочется верить в какой-то внешний заговор. Мне кажется, что все-таки вот такие мероприятия, как наш форум, они позволяют консолидировать людей вокруг разумных идей. И эти идеи возобладают. Вот единственный мой комментарий.

Александра Ждановская: Я могу ответить?

Николай Коломейцев: Я извиняюсь, Александра, я вам просто напомню, что у нас Кудрин пять раз был признан лучшим министром финансов при колоссально нарастающем кризисе. Набиуллина была пять раз лучшим председателем Центробанка при том, что, по

мнению подавляющего большинства экспертов, главная причина нашего кризиса, – это искусственный не допуск производителя к кредитным ресурсам. Потому что процентная ставка, вопреки вообще-то выводам нобелевских лауреатов, у нас значительно завышена, потому что она не может быть выше половины рентабельности. А у нас средняя рентабельность по России за прошлый год 7,7%, а ключевая ставка, даже сегодня 7,25. А должна быть половину. Спасибо. Пожалуйста, Александра.

Александра Ждановская: Я хотела бы сказать, что когда критикуешь политику Валютного фонда, или ВТО, или корпорацию, очень часто на самом деле, и не только в России, на Западе такой аргумент – теория заговора, про это вообще не нужно говорить. Мне кажется, идет анализ интересов. Если есть ссылки на источники, если есть аргументы, то это не является теорией заговора, к которой я себя не хотела бы причислять.

Николай Коломейцев: У нас реальность, с 2013 года по 2017-й есть падение в два раза прямых иностранных инвестиций. И увеличение оттока капитала от нас в четыре раза. Вот вам заговор, не заговор, но политика Центробанка ведет к этому.

Мужчина: Во-первых, вы не совсем правильно сказали про иностранные инвестиции. В России рост иностранных инвестиций только в ценные бумаги. И они у вас закрыты. Если вы посмотрите статистику Центробанка за прошлый год, вы увидите, что у вас объем уменьшился на 50 млрд долларов, действительно. Объем прямых иностранных инвестиций вырос до 110 млрд долларов, объем инвестиций в ценные бумаги.

А теперь к вопросу о теории заговора. Их пустили в рынок при цене доллара 67 под ставку 8% годовых. Дали им РЕПО, извините, через эту сумму, и уронили ставку до 57. То есть физически им дали 25-28% годовых. Когда мне задают вопрос, когда упадет доллар в России, я говорю, смотрите, пожалуйста. Как только западные спекулянты выйдут со своими 100 млрд долларов с рынка, после этого доллар упадет. До этого ему упасть не дадут. Потому что им нужно сохранить свою прибыль на уровне 25% годовых, вот и все.

Николай Коломейцев: Вы забыли сказать о девальвации, которую Центробанк провел. Мы от этого ничего не получили. Есть ли вопросы? Да, пожалуйста.

Татьяна Малахова: Татьяна Малахова. Спасибо большое за выступление. У меня вопрос такой тоже профессиональный, я занимаюсь темой, связанной с трансформацией внешнеэкономических связей мирового авангарда и периферии, поэтому у меня здесь вопрос в части защитных мер. Если, допустим, страны периферии не дают возможности принять протекционистские меры, или другие защитные меры, по отношению к своей стране, какие вы можете предложить механизмы защиты, возможно, какие-то, опять же, возможности не быть полностью зависимыми от ядра, а так или иначе, тоже быть субъектом и быть активным игроком на мировом рынке. И второй вопрос тоже меня очень интересует. Вы нашу страну относите к периферии или к полупериферии?

[00:50:20]

Александра Ждановская: Скорее к полупериферии, потому что как раз вопрос сюда, колонии. То есть колонии подразумевают все-таки полную политическую зависимость.

Татьяна Малахова: Или сырьевым придатком, допустим. Опять же Валлерстайн пишет в этой ситуации: сырьевой придаток. Мы на сегодняшний день экспортируем, в основном, эти ресурсы. И Запад нас уже, в основном, скорее всего, относит в большей степени к третьему элементу, нежели ко второму.

Александра Ждановская: Вот, на мой взгляд, в принципе, в России решается вопрос быть периферией или быть полупериферией. То есть в настоящий момент Россию все-таки относят к полупериферии, потому что у нас есть определенная промышленность, с одной стороны, что-то осталось, что-то еще есть. Кроме этого, у нас определенно есть все-таки достижения и в науке, и с другой стороны, не так-то на нас надавить в военном плане. То есть спорный вопрос. Периферия это полностью политически зависимая страна. Мы видим по конфликтам сейчас России, что с Россией политически полноценно сейчас, наверно...

Татьяна Малахова: То есть мы со всеми перессорились, получается.

Николай Коломейцев: Александра, я уточняю вопрос. Скажите, пожалуйста, что будет, если отключить SWIFT – сегодня? Мы периферия или не периферия? Монетизация нашей экономики от чего зависит? Количество чужой валюты, а не наших богатств. Поэтому мы, наверно, все-таки больше периферия. Но это мое убеждение.

Татьяна Малахова: Опять же, зависимости в сравнении.

Николай Коломейцев: Спасибо большое, Александра, за очень конструктивное выступление, вызвавшее столько интересных вопросов. Я передаю право ведения моему коллеге Вячеславу Вадимовичу, пожалуйста.

Вячеслав Пронин: Спасибо, Николай Васильевич. Мы двигаемся дальше по повестке, все равно хорошо, наверно, что мы позволили дискуссию между докладами, потому что как-то живее мероприятие и чувствуется соучастие. Олег Владимирович, вы дополняли много другие доклады, теперь послушаем вас. Надеюсь, вам тоже что-то расскажут новое и интересное.

Олег Ногинский: Председатель Ассоциации поставщиков Таможенного союза. Собственно, мы, наверно, ближе всех сталкиваемся с реальными событиями именно производителей. Теперь хотелось бы сказать три вещи. Вы знаете, все наши беседы здесь, к сожалению, оказываются очень интересными. Мы пытаемся с вами с бумажками и в очках доказать хулигану с дубиной, что по закону он неправ. Собственно, это выглядит приблизительно так.

То есть нам, сначала показали этот закон, мы в него почему-то поверили. После этого мы к нему подходим и говорим: «А вы знаете, так делать нельзя!» Нам только раз дубиной по башке, и говорят: «Ты кто?» Мы говорим: «Так в бумаге написано!» Тебе так дубиной по голове еще раз – бам! Ты говоришь: «Так, я ж... Я ж, как вы мне сказали». Он говорит: «Нет, подожди. Это мы сказали для аборигенов. А для собственников и для хозяев этот закон не действует». И вопрос колониального отношения, он четко прописан везде.

Но давайте честно. Открываем колониальные документы, да, есть позиция генерал-губернатор и местного населения. Оно вроде бы практически почти такое же, но прав у него нет, если генерал-губернатор сказал, что будет не так.

Так вот, пока мы не поймем простую вещь, все мы здесь. В данном случае, я могу говорить и об Украине, и о России, что пока не будет реального силового сопровождения, я именно почему спросил, уточнил про права и функции. То есть, если вы сегодня попытаетесь не вернуть деньги американцам, или не пустить их товар на рынок, у вас арестуют счета. Причем их плевать на законы, если арестуют счета частных лиц, арестуют имущество госкорпораций.

А теперь представьте себе, что завтра Россия возьмет и арестует, к примеру, имущество американской корпорации в России. Чего будет? Война. Или, к примеру, возьмет и Украина арестует имущество американской корпорации? Война будет, аресты будут по всему миру. Так вот позиция очень простая. К сожалению, сегодня, к сожалению, мир как-то так очень удивительно перекатился в стадию, когда из ситуации «демократия и рассуждения» он перешел в стадию силы. То есть, если у вас нет силы отстоять свое решение, то будьте добры его даже не озвучивать, потому что вы его не получите.

Мы это можем посмотреть на Европе. Американцы абсолютно спокойно своему партнеру и союзнику вкатили санкции, которые в принципе по оценкам немцев сейчас принесут порядка 30-35 млрд евро убытков. Чихать они хотели на то, что это их союзник. Потому что американских баз в Европе сегодня 135 штук. Им, в общем-то, абсолютно все равно на позиции Евросоюза.

[00:55:10]

То есть позиция переходит к разряду, кто сильнее, тот и прав. И уже в принципе никого не волнует ни то, что написано в документах ВТО, которые, собственно, Соединенные Штаты благополучно не выполняют. И официально уже Independent написал о том, что ВТО официально признало, что ничего с Соединенными Штатами за введенные пошлины оно сделать не может. И отношение Америки лучше всего продекларировано чем? Соединенные Штаты уже полтора года не направляют по своей квоте судей в Арбитражную комиссию ВТО, это признанный факт, потому что они считают, что эта комиссия ничего не решает. То есть смысла платить людям большую зарплату из бюджета нет.

Ключевой вопрос звучит в чем? Мы с вами пытаемся обсудить, условно говоря, фантастический фильм, который нам продали всем. То есть в принципе, в чем сильна Америка? Она создала красивую картинку, Голливуд, условно. То есть все по закону, демократия, все правильно, все в мире братья, люди все равны. Красиво ее продала всему миру, благополучно, собственно говоря, извлекла из этого максимальный доход, получив доступ к рынку, получив доступ к реализации продукции, уничтожив конкурентов на этом рынке.

Будем предельно честными, Германия ровно то же самое сделала в Европейском союзе, уничтожив практически все машиностроение в Европейском союзе, благодаря созданию

Европейского союза. А после этого она сообщила: «Ребята, а правил нет! Правила здесь одни, – это я. Как я сказал, так и будет». Поэтому, наверно, сегодня стоило бы обсудить, на мой взгляд, в рамках всех этих конференций, не теоретическую часть, о которой мы здесь говорим, а каким практическим образом мы можем содействовать нашим производителям в том, чтобы они могли защищать свои интересы. Каким образом государство может содействовать своим производителям на внутреннем рынке, на внешнем рынке.

Обратите внимание, к примеру, ВТО. Берем Польшу. Польша дотирует в экспорте той же молочной продукции 30%. И, в общем-то, им глубоко чихать на все нормы ВТО, которые запрещают это делать, в том числе и на рынок Таможенного союза. То есть у них норма, они поддерживают своего производителя. И таких моментов очень много. Поэтому сегодня, на мой взгляд, лучше сосредоточиться не на обсуждении теоретических выкладок, а что же там было написано в этих 42 тысячах непереведенных листов? И не будем забывать, что, собственно, в Соединенных Штатах самая сильная юридическая служба в мире, надо это признать. То есть сегодня юристы Соединенных Штатов, действительно, наверно, одни из лучших в мире. Почему? Они судятся по любому поводу и они, действительно, в этом абсолютно высокопрофессиональны.

И давайте рассуждать, каким образом решать проблемы, собственно, производителей. Не теоретизировать здесь по вот этим вопросам, то есть, можно, не можно. Дело в том, что чтобы мы здесь не придумали, это будет либо, по их мнению, незаконно, либо они этого не признают, если это будет законно, и просто сообщат о том, что они его игнорируют. Я не зря сказал про спор по Индии. Он идет больше 25 лет в рамках ВТО. И он благополучно заканчивается каждый раз предложением сторонам разойтись и через год продолжить свои консультации.

То есть физически речь идет о чем? Те решения, которые не выгодны Соединенным Штатам, приняты не будут. Те, которые выгодны, – будут. И будут введены санкции, будут оштрафованы, и будут введены конфискованные активы. И, собственно говоря, весь процесс введения санкций, как мы сейчас наблюдаем, он говорит ровно об этом: кто сильнее, тот и прав. В том плане, сильнее, знаете, есть такое правило, когда мне в детстве говорили, что в драке сильнее не тот, у кого большая сила, а тот, кто готов идти до конца. То есть то, что сегодня как раз озвучивали. Троньте американцев – они вам устроят войну. Они отберут ваши активы. Троньте. Пожалуйста, посмотрите, сколько сегодня, к сожалению, граждан Российской Федерации...

Николай Коломейцев: Я хотел бы от имени организаторов сказать, что у нас как раз есть задача, те, кто пришел, если у вас есть конструктивное предложение, как то изменение законодательства, как то ваши меры, как бы вы предлагали действовать. Мы, оргкомитетом, постараемся, учитывая, что у нас широкий спектр специалистов, и готовы привлечь вас. Вот именно для этого мы и проводим эту конференцию. И именно такова и задача Московского экономического форума для того, чтобы привлечь альтернативную точку зрения. У нас правительство до конца не понимает, или лоббирует чужие интересы. Есть такие две точки зрения. Пожалуйста, ваш вопрос.

Олег Ногинский: Я вам ответил на вопрос, то есть, кто готов идти до конца. Сегодня сколько граждан России задержано было американцами в мире, по разным странам мира, и отправлены в Соединенные Штаты. Я отвечаю на этот вопрос, граждан Америки так воровать нельзя, – приедет весь шестой флот. Я задам вопрос. На Украине сегодня в случае задержания любого активиста прибегало все американское посольство спасать.

[01:00:08]

Скажите мне, пожалуйста, хоть один сотрудник российского посольства, хоть в одном деле против даже граждан России на Украине, поучаствовал? Ответ – нет. Позиция посольства...

Николай Коломейцев: Ну, Олег Владимирович, это политический вопрос. Я могу вам ответить. Скажите, пожалуйста, кто из профессиональных дипломатов на Украине вообще-то был послом? Зурабов сначала сделал тут монетизацию социальных льгот, потом был послом. До него наш...

Олег Ногинский: Виктор Степанович, мудрейший, кстати, человек был.

Николай Коломейцев: Да, он мудрейший, но не дипломат. Поэтому вот эту мудрость мы сегодня и пожинаем.

Олег Ногинский: А последний дипломат был, к сожалению, Воробьев, покойный, который от инсульта и умер в 2014 году, кстати.

Вячеслав Пронин: Уходим от темы, кстати.

Олег Ногинский: Спасибо вам больше, кстати, за мероприятие, потому что, на самом деле, это хотя бы задаются вопросы о том, что же делать, а не звучит восхваление.

Вячеслав Пронин: Вот как раз я вас, перед тем, как отпустить, хотел попросить ответить все-таки на предыдущий вопрос Николая Васильевича, какие же предложения у вас конкретно?

Олег Ногинский: Тезисно три самых важных пункта. Первое, это, собственно, доступ к льготному кредитованию, причем, даже кредитованию не через систему кредита, а через систему, как минимум, лизинга. Я вам скажу пример. Немецкий и американский фермер сегодня получает технику под 1-1,5% годовых. Скажите, пожалуйста, можно ли в России сегодня сельхозпроизводителю получить технику под такую ставку?

Вячеслав Пронин: Получается дешевле даже.

Олег Ногинский: Один процент годовых?

Вячеслав Пронин: С учетом программ, которые действуют, – да, получается чуть дешевле.

Николай Коломейцев: Американский фермер, я вам говорю, как изучавший этот вопрос, получает технику в лизинг на восемь лет. Первые два года он не платит. Второе, если он сдал старую, 50% зачет. А потом какой у них вообще кредит? У них же есть инвестиционный кредит, минусовой. То есть, если вы берете в развитие, это фактически бюджетная ссуда с возвратом.

Олег Ногинский: Кстати, я буду очень благодарен за ваши слова про технику. Объясню почему. Буквально недавно у нас обращалась компания сельхозпроизводителей в Крыму. Она хотела взять «Ростсельмашевскую» технику. В итоге, после долгих бесед с РНКБ и всеми остальными, у них 9,5% годовых ставка. И ниже ставки под технику нет.

Вячеслав Пронин: Еще раз, послушайте меня. Мы уходим опять от темы, но если учесть 20-процентную скидку, которую государство финансирует сейчас, давайте вот. Просто я не только аналитические службы «ВТО-Информ», а еще и помощник президента Ассоциации «Росспецмаш». И как раз хотел, у нас есть один пример в машиностроении, где государство услышало голос разума, и там, действительно, получились успехи. Поэтому я так. Но, к сожалению, на все остальное...

Олег Ногинский: Будем благодарны, если...

Николай Коломейцев: Но вы не до конца искренны. Я вам докладываю официальную цифру. Росагролизинг, имея 83 млрд государственных средств в своем уставном капитале, и 15 млрд оборотки, в два раза снизил в прошлом году закупку отечественной техники.

Вячеслав Пронин: Да, к сожалению, они услышали голос разума не до конца. И вот у нас вопрос еще от Даниэла Аграмонт. Пожалуйста.

Даниэл Аграмонт: Я понимаю, Россия недавно вступила в ВТО. Это не как Совет безопасности ООН, где у Китая и России есть осмысленное видение политики США или Европы. В случае с ВТО мы в Боливии полностью разделяем мнение о том, что эти правила были приняты малочисленной группой, которая навязала их остальным. Возможно, для России это может послужить поводом для того, чтобы взять на себя инициативу внутри ВТО? Вы знаете, в прошлом Бразилия и Индия вели эту битву, главным образом из-за сельского хозяйства в Аргентине и Бразилии, которое получало от этого выгоду. Но там лидерами были Бразилия и Индия. А теперь, я думаю, вопрос в Боливии о ВТО состоит в том, что лучше: быть или не быть частью ВТО?

У нас уже сформировалось видение того, как мы могли бы обойтись без нее. Например, двусторонние инвестиционные договоры, в которых у нас много требований. В Вашингтоне [нрзб.], поэтому мы решили выйти из [нрзб.], но все же у нас есть масса законов, которые мы должны соблюдать следующие 10 лет. И теперь, например, если мы захотим выйти из ВТО – хорошо, но мы будем одни против Европейского Союза и США. Так что, возможно, это следует рассматривать как шанс для России и других стран, например, для Боливии? Мы видим в Южной Америке, что у Боливии и России есть много общего. Может, стоит защищать интересы собственных производителей, но внутри этих многосторонних организаций, вместо выхода из ВТО и борьбы в одиночку?

[01:05:38]

Вячеслав Пронин: Я коротко, прокомментирую. Вопрос о том, что, понятно, что какая-то маленькая группа сильных создавала ВТО, и потом она теперь отстаивает интересы ВТО. Понятно, кто эта группа. И не является ли это возможностью для России консолидироваться, в том числе, с другими странами, недовольными вот этим клубом, взять на себя роль некоего лидера и попытаться сломить чашу весов в свою пользу и

пользу вот этих других стран. Это одна была часть вопроса. И был комментарий о том, что в Боливия, в частности, сейчас все острее встает вопрос, что нужна вообще эта группа или не нужна, и, может быть, переходить к двусторонним соглашениям, как это было до ГАТТ и так далее.

Олег Ногинский: Вы знаете, я бы сказал, что уже был создан этот инструмент, это БРИКС, собственно говоря. И как раз этот инструмент БРИКС был создан, как альтернатива всем существующим союзам. И этот инструмент теоретически должен был стать основным и ключевым инструментом в защите интересов стран, скажем так, не входящих в эту узкую группу игроков, в свое время написавших правила. И создать свои правила. При этом, в общем-то, насколько я понимаю концепцию БРИКС, она для этого и была создана. Спасибо.

Вячеслав Пронин: Спасибо большое. И продолжая как раз эту тему некоей альтернативы ВТО, некоей возможности жить без ВТО, предлагаем слово организатору Контр-Саммита против ВТО в Буэнос-Айресе, доценту Университета в Буэнос-Айресе доктору Хавьеру Эчаиде.

Хавьер Эчаиде: Большое вам спасибо. Прежде всего, я хочу поблагодарить организаторов этого форума за возможность быть здесь с вами и поделиться аргентинским опытом последней министерской конференции ВТО и прочим. Но прежде всего я хотел поднять два или три вопроса. Во-первых, что мы делали в Буэнос-Айресе в декабре прошлого года? И как мы остановили ВТО в Буэнос-Айресе? Во-вторых, почему мы против ВТО? Я не говорю конкретно о ВТО, но почему мы, возможно, критично относимся к свободной торговле в целом? И в-третьих, кто мы? На этот вопрос трудно ответить. Что касается обсуждений в ВТО, как ранее говорил Даниэл, это, конечно, сельское хозяйство, НАМА - Доступ на рынки несельскохозяйственных товаров, торговля услугами, интеллектуальная собственность, и последний вопрос о внутреннем регулировании –

это очень большая проблема, например, для России. Дэниэл сказал об инвестициях. Я расскажу подробнее о них и об электронной коммерции. Это очень большая проблема сейчас в ВТО.

Во-первых, я могу много чего рассказать о технических нюансах, но я не хочу этого делать. Я хочу воспользоваться этой возможностью, чтобы обсудить с вами другие, более широкие вопросы. Во-первых, мы видим, что двусторонние инвестиционные договоры и зона свободной торговли ВТО являются основой неолиберальных правил, которые внедряются во всем мире. Итак, это одна из главных тем, на которые нужно обратить внимание. Двусторонние инвестиционные договоры и зона свободной торговли ВТО не являются обычными договорами или классическими институтами. Институты, основанные на неолиберальном мышлении, все созданы в 1990-х годах на основе этого образа мышления. Иными словами, мы должны признать тот исторический момент, который был в 1990-х годах. Распад Советского Союза. Это был момент формирования во всем мире новых правил, новых проблем и новых институтов для нового мышления, которым является неолиберальное мышление. Вот что представляет собой ВТО. И вот что представляют собой новые договоры об инвестициях и свободной торговле.

Мы не очень хороший пример успешных неолиберальных правящих институтов. И сама ВТО не демонстрирует особого успеха. Последние переговоры начались в 2001 году, и с тех пор не было достигнуто ни одного соглашения, которое стало бы хорошим примером увеличения богатства людей во всем мире. Но эти институты и договоры действительно угрожают государственным зонам регулирования. Пространство, которое должно отрезвляюще действовать на национальные правила, в самом деле имеет право регулировать свои рынки.

Вот о чем эти договоры и эта структура. О том, чтобы изменить мир, внедрить эти правила и не позволить государствам их менять, перестраивать, обсуждать другой способ мышления, который не является неолиберализмом.

И один из действенных инструментов, который сегодня уже обсуждали: что может произойти, если мы выйдем из ВТО? Что может случиться, если мы разорвем все эти соглашения? И это не технический, это политический способ угрожать государствам в таких рамках. Это страх. Страх сдерживает государства от попыток что-либо менять. Это очень большая проблема, о которой мы не говорим, и о которой не говорят ни на каких форумах. Страх – очень большой инструмент для управления этими институтами, он не подталкивает вас напрямую, но если вы не делаете то, что мы говорим или не делаете то, о чем мы просим, то у вас могут быть очень серьезные проблемы. Это все страх.

Последний вопрос, о котором я говорил. Кто есть мы? Мне сложно ответить, потому что я не принадлежу к этим группам, но мы – женщины, мы – коренные народы, мы – рабочие, мы – молодежь, мы – люди, обычные люди, которые говорят, ходят, едят, спят, работают и имеют право определять свою жизнь. Имеют право на то, чтобы транснациональные корпорации и вся система несли ответственность перед гражданами. Это очень хорошее право для нас, потому что они не следуют никаким правилам. И этот способ мышления, эта структура не дает на этот большой вопрос ответа, который необходим людям для получения отчетности от транснациональных корпораций. Мы можем обсуждать эти идеи на таких форумах, как этот, и поэтому мы создали альтернативное пространство для обсуждения во время министерской конференции ВТО в Буэнос-Айресе. Это был очень важный момент для обсуждения – получить новое пространство для дискуссий о том, что может быть альтернативой, которую не в состоянии дать неолиберализм.

Большое спасибо.

Вячеслав Пронин: Не могу не спросить, вы прекрасно рассказали о причинах необходимости создания Контр-Саммита. А каких-то результатов уже на текущий момент удалось достичь? Таких конкретных.

Николай Коломейцев: Проблема в чем? Здесь вы должны вспомнить, что случилось с президентом Бразилии, которая подписала документ о вхождении в БРИКС, и что сейчас происходит с бывшим президентом Аргентины. Здесь как раз, что происходит, мы должны с вами понимать, что политическая составляющая доминирует над торговлей. Вот это вопрос. В ответ на БРИКС американцы предыдущей администрации постарались сделать два соглашения торговых, которые в принципе блокировали и нас, и китайцев, и индусов, для того, чтобы заставить встать в строй.

Они пока заморожены Трампом, но на самом деле, вот это все из того же разговора, о котором вы говорите, о контр ВТО и так далее. Но, на самом деле. Я внимательно изучал все документы ВТО. Это наднациональная структура, и на самом деле, решение суда ВТО обязательно для исполнения любого правительства. Инструмент простой. ЕС и США – 67% мирового ВВП. Именно это и является давлением.

Хавьер Эчаиде: Не знаю, знаете ли вы, но у министерской конференции в Буэнос-Айресе не было резолюции или официального заявления, это был огромный провал переговоров в Буэнос-Айресе. Но мы очень критично относимся к свободной торговле как к парадигме, в соответствии с которой мы могли бы продвигаться в переговорах в рамках ВТО. Мы думаем о новом виде соглашения. Например, двусторонние инвестиционные контракты не привлекают новых инвестиций. Аргентина яркий тому пример. Мы подаем в суд. У нас много судебных процессов внутри Всемирного банка. Выход. Россия не является полноправным членом выхода, но мы знаем, что у вас уже есть иски внутри этой системы. Сейчас у вас уже есть много запущенных двусторонних инвестиционных контрактов, не меньше 70. У нас их 58, это огромное число для нас. У вас есть 70 соглашений, которые служат механизмами того, что мы называем «охлаждающим» эффектом для правил и норм внутри государств. Так что договора не оправдывают своих ожиданий. Так зачем их оставлять? Они не привлекают новых инвестиций и не двигают вперед экономику.

Вячеслав Пронин: Спасибо. Мы практически дошли, последний по списку. Но не по значению, заключительное слово, я так понимаю, чаще всего запоминается лучше.

[01:20:17]

Благодарю тому, что у нас была такая живая дискуссия, это не назовем, наверно, конференция, это, скорее, круглый стол, обмен мнениями, поэтому время у нас практически вышло. Передаю слово Владимиру Самохвалову. Это управляющий партнер SBS Consulting. Это фирма, которая достаточно глубоко разбирается во многих отраслях российской, и не только, экономике. Пожалуйста.

Владимир Самохвалов: Добрый вечер, коллеги. У меня была подготовлена презентация, но я не буду идти по презентации, поскольку времени остается немного. Про что я хотел бы сказать. Действительно, в 2011 году мы проводили исследования, где оценивали возможные последствия вступления нашей страны в ВТО. И мы были практически единственной консалтинговой компанией, которая негативно высказывалась о последствиях вступления в ВТО. И сейчас мы вынуждены констатировать, что самые негативные наши прогнозы оправдались, и тут вопрос возникает, что делать.

На самом деле, многие и даже сотрудники органов государственной власти, и многие экономисты прекрасно понимают, что вступление в ВТО не позволило поднять промышленность. Мы знаем, что экспорт падал, и последствия гораздо хуже, чем ожидали даже те оптимисты, которые предсказывали какой-то рост в результате этого шага. Мы знаем с вами, что президент Владимир Владимирович поставил задачу увеличить объем экспорта практически в два раза со 130 млрд долларов, по-моему, до 250 млрд долларов США к 2024 году.

Возникает вопрос – можно ли этого достичь, находясь в рамках ВТО, и что для этого необходимо сделать. В своем выступлении хотел поговорить исключительно про это, что делать в существующей ситуации. Мое мнение такое, что из ВТО выходить сейчас, конечно, не имеет смысла, а вот адаптироваться к ситуации, безусловно, нужно. Мы проводили оценки. По нашим оценкам, самая оптимистичная цифра, о которой можно говорить при существующей государственной политике, это порядка 200 млрд долларов США не сырьевого экспорта. То есть примерно 50 млрд долларов США – это гэп, который не понятно как закрыть. И для этого нужно кардинально изменить промышленную политику.

Что такое 50 млрд долларов США в год? Это, на самом деле, очень много. Так, чтобы было понятно, это порядка десяти «Сибуров», порядка 13 «Еврохимов», порядка 25 «КамАЗов», это очень большие величины, с одной стороны. С другой стороны, если посмотреть, сколько Китай, Япония, Южная Корея тратят на реализацию инфраструктурных проектов за рубежом, на строительство дорог, заводов и так далее, то выясняется, что в принципе и такие величины достичь можно. Они ежегодно тратят порядка 25-30 млрд долларов США. То есть, если была бы какая-то активная государственная политика по продвижению, по реализации инфраструктурных проектов за рубежом, то в принципе, этот гэп можно было бы закрыть.

Если как-то пытаться резюмировать, на что должна быть нацелена промышленная политика, здесь скажу три банальные вещи. С одной стороны, промышленная политика должна быть нацелена на импортозамещение, на стимулирование спроса внутри страны. И здесь речь идет, как о регулировании государственных закупок, так и о борьбе с контрафактом, ускорение борьбы с демпинговыми поставками, то есть антидемпинговые расследования. Плюс-минус, государство что-то в этом направлении делает. Есть два других направления, где необходимо реально ускориться и углубить меры.

Первое, это создание условий для развития конкурентоспособного производства. Вы знаете, что на сегодня существует система поддержки, существуют субсидии из Министерства промышленности на НИОКР, существуют субсидии по процентным ставкам на инвестиционные кредиты.

[01:25:12]

Другое дело, что для массового развития производства существующий объем поддержки нужно кратно увеличить. По нашим оценкам, если сегодня на обрабатывающую промышленность из Министерства промышленности, за исключением Оборонно-промышленного комплекса, тратится порядка 50-60 млрд рублей, для того, чтобы массово прокомпенсировать вот эти избыточные расходы бизнеса по налогам, по процентным ставкам и так далее, необходимо выделить порядка 300 млрд рублей в год. То есть практически в пять раз, это минимум.

Второе, что необходимо сделать, это необходимо, действительно, задуматься о ценах на сырье, ценах на дизель, мазут внутри страны. ВТО не запрещает регулировать тарифы. ВТО не запрещает каким-то образом регулировать рынок, чтобы внутренняя цена была более конкурентоспособна. Например, если мы говорим про бензин и про

нефтепродукты, за счет грамотной политики цены на внутреннем рынке, разумеется, через биржевую торговлю, можно было бы снизить, и тогда у нас была бы абсолютно конкурентоспособная себестоимость многих видов деятельности.

И, наконец, третье направление деятельности, второе – это создание условий для повышения конкурентоспособности производства, а вот третье направление деятельности – это продвижение нашей продукции на мировых рынках. Опять же, какой-то задел у нас есть. У нас есть Российский экспертный центр. Мы знаем, что у Российского экспертного центра есть субсидии затрат на выставочную деятельность, есть субсидирование затрат на сертификацию, омологацию, и так далее. Другое дело, что это делают все страны, и здесь ничего такого удивительного нет.

Что реально необходимо сделать, – это создать какую-то систему компенсации неравных условий конкуренции на зарубежных рынках. Взять те же самые импортные пошлины. У нас легкая промышленность, косметика, мелкотоннажная химия, все сталкиваются с тем, что в Европе существуют импортные пошлины в отношении российских производителей, что не позволяет конкурировать с Турцией. Вот необходимо, чтобы государство, с моей точки зрения, выделило средства на компенсацию импортных пошлин. Взять, например, легкую промышленность. Отношение налогов к выручке составляет порядка 20%. Учитывая, что импортные пошлины составляют 10%, вот эта компенсация экспортерам снижения цены для конкуренции с турецким производителем, была бы реально компенсирована налоговыми поступлениями.

Но на самом деле, вот мы сегодня уже обсуждали Польшу. Польше ничто не мешает компенсировать польским производителям импортную пошлину, с которой они сталкиваются в Российской Федерации. Другое дело, что это происходит в обход условий. Поэтому, если резюмировать, хотел бы сказать, что для достижения цифр порядка 250 млрд долларов США экспорта необходимо, либо принципиально изменить условия ведения бизнеса в Российской Федерации, либо подготовиться государству к масштабной государственной поддержке, которая должна минимум в пять-шесть раз отличаться от того объема средств, которые выделяются сегодня. Спасибо.

Вячеслав Пронин: Спасибо большое. Какие-то вопросы, может быть? Пожалуйста.

Людмила Медведева: Волгоград, зовут Людмила Николаевна, фамилия политическая, – Медведева, ну, до сегодняшнего времени. Я прошу прощения, я очень признательна, что попала на эту дискуссионную площадку. Я вообще-то была до этого на аграрном секторе, и как-то осталась не очень удовлетворенной. А здесь получила истинное наслаждение. Во-первых, как простой человек, я понимаю, что я здесь сделать много не могу. Но с другой стороны, понимаю, если есть ошибка государства, почему должны отвечать все простые люди? Но я немножко о другом.

[01:30:11]

Где-то месяца два назад я была в Ростове на площадке, где Министерство экономического развития очень убедительно, собрав предпринимателей, настойчиво говорило о том, что надо заниматься экспортом. Привели пример, что, оказывается, есть в

Астраханской области человек, который умудряется продавать сорняки в Иран. Выяснили, сорняк – это солодка. Потом привели пример о том, что женщина, которая продает в Турцию чечевицу, сказала, что они не знают, что это за продукт, нужно было сварить, чтобы они попробовали и поняли, что это вкусно. Оказывается, чечевицу надо продавать.

Разговор немножко в другом. Где-то лет семь назад я была на Санкт-Петербургском форуме, есть такой очень интересный Санкт-Петербургский форум стратегического планирования. И там выступала по своей научной теме «Создание зеленых городов на базе средних промышленных городов». И после моего выступления подошла, вот даже могу сказать, мэр или вице-мэр Стокгольма со словами: «У вас хорошее выступление, ну, купите мою концепцию, купите мой патент на то, как должны функционировать эти города». Весь этот форум, который проходил два дня, за мной она ходила: «Купите, купите, я знаю, что вы, вот у вас интересное выступление, но вы должны купить наш патент о том, как могут функционировать зеленые города».

Я после этого подумала, посмотрела, что она предлагает, увидела, что у нее еще интереснее, и мы три свидетельства на ВМ о создании нейронной сети в обеспечении зеленых городов запатентовали. А дальше, самое интересное. Чтобы мой патент, который признан сегодня российской патентной системой, я могла предложить тому же Стокгольму, я должна его запатентовать в Мадриде. А стоимость одного патента уже стоит 150-200 тысяч рублей. И я хочу сказать, что если мы посмотрим на такую площадку, как наука в России, которая имеет патенты российские, и которые могут конкурировать с зарубежными, я думаю, мы сможем еще что-то получить. Благодарю.

Вячеслав Пронин: Спасибо большое. Тогда я вместо своего финального слова задам всем участникам дискуссии, тем, кто представляет Россию, соответственно, чтобы они ответили, что для России, по их мнению, важнее. А, соответственно, для наших зарубежных коллег, что бы они порекомендовали России. Так вот вопрос в следующем. Мы тут услышали точку зрения, что нужно выходить из ВТО. Услышали точку зрения, что нужно жить с ВТО, но легально пытаться обходить эти ограничения, которые есть. И услышали точку зрения, что можно просто как-то, скажем так, нарушать условия ВТО, пока не наказали. Экспресс, буквально, первое, второе, третье, по вашему мнению. Давайте с Владимира начнем.

Владимир Самохвалов: Безусловно, вначале нужно обходить, и этим занимаются все страны. Более того, могу сказать, что все и нарушают. Другое дело, что делают это очень творчески, так, чтобы потом не нашли концы. И поэтому мое мнение заключается в том, что нужно не нарушать, но очень аккуратно.

Вячеслав Пронин: Творчески подходить.

Николай Коломейцев: Вячеслав Вадимович, если оттолкнуться от слов действующего президента, он сказал: «С ВТО нас обманули». Не я, он. Поэтому, соответственно, что надо делать, если вас обманули?

Даниэл Аграмонт: Если нам придется выбирать, жить с ВТО или жить с неолиберальными правилами, я думаю, что мы этого делать не будем. Имея возможность создать почти

глобальный институт, такой как ВТО, и имея такую большую страну, как Россия, я не вижу, чтобы Россия сейчас играла ведущую роль в переговорах ВТО. В некоторых случаях у Бразилии была такая роль в сельском хозяйстве или у Аргентины в НАМА. У США и Европейского Союза лидирующая роль почти в каждой повестке дня ВТО. Китай играет очень важную роль в своем собственном пути переговоров по правилам ВТО. Индия все чаще играет заметную роль в сельском хозяйстве и других вопросах, но...

Мужчина: Извините. Это был короткий вопрос. Нет, это...

Вопрос: Как вы думаете, чтобы выйти из ВТО, для России лучше игнорировать правила [нрзб.].

Если у вас нет ведущей роли внутри ВТО, почему вы находитесь внутри ВТО? Вот в чем вопрос.

[01:35:26]

Вячеслав Пронин: То есть не выходить, не нарушать ничего, но стать лидерами, некоей оппозицией ВТО. Спасибо.

Хавьер Эчаиде: Спасибо. Я соглашусь с коллегой. Я считаю, что лучше иметь эти правила, но Россия могла бы воспользоваться этой возможностью, чтобы взять на себя инициативу. Вы недавний член, и в прошлом у нас были Бразилия или Индия, но теперь, поскольку у вас те же проблемы, я не знаю ближе ли вы к Боливии. Я так не думаю, но у вас есть эти проблемы, как и у всех стран, что пытаются проводить свою политику и соблюдать нормы ВТО. Если вы не подчиняетесь правилам, вы скрываете это. Зачем этого придерживаться? Я знаю, у вас много разрешением конфликтов, но вы все еще можете быть в ВТО и технически менять правила.

В Боливии другие обсуждения. Мы пытаемся соблюдать эти правила, пока они не станут слишком строгими – тогда мы от них откажемся. Потому что мы не в состоянии изменить правила. Но для России я считаю, что ситуация другая. В этом [нрзб.] вещах, я не думаю, что [нрзб.] действительно ваш путь внутри ВТО. Китай – первый защитник ВТО. Помните, что после избрания президента Трампа генеральный секретарь КНР сказал: «Пожалуйста, не возвращайтесь в эти темные века послевоенного периода с тарифным регулированием. Пожалуйста, не надо. Нам нужно идти дальше и смотреть вперед».

А что впереди? Свободная торговля. Да, конечно, Китай жаждет этого – свободной торговли. Но у России другой путь, и я думаю, что вы могли бы найти много стран, желающих того же – мы хотим правил, но мы хотим менять эти правила. Эти правила были разработаны 23 странами, а в 1990-е годы они сказали: «Хорошо, мы хотим принять новые, углубить существующие».

И это не 1950-е. А так же, как сказал Хавьер, это и не 1990-е. В 2018 году подумайте, что Россия может взять на себя инициативу и отстаивать позицию, которая будет противоречить позиции Китаю, может быть, Бразилии, нынешней Бразилии. Но у вас есть эта возможность.

Спасибо.

Вячеслав Пронин: Спасибо. И чтобы некие итоги подвести, передаем слово Николаю Васильевичу. Пожалуйста.

Николай Коломейцев: Спасибо. Уважаемые коллеги, мы благодарим вас за конструктивную дискуссию. Я считаю, что у нас была дискуссия, по крайней мере, те, кто в теме, пытался выяснить какие-то вопросы. И просим вас еще раз, если у кого-то родились какие-то идеи по поводу нашей темы, вот коллег Ждановского, Ногинского, Болдырева, я приглашаю. Мы сейчас работаем как раз над законом, как нам понудить правительство все-таки скорректировать позицию по ВТО, с учетом признания президента, и с учетом колоссальных наших убытков.

Я здесь вам специально попросил один из слайдов показать. Видите, что Китай и что мы. И вот последнее, инвестиции. Вот, пожалуйста, это официальные цифры. И следующее, что хочу сказать, что на момент начала переговоров по поддержке сельского хозяйства при министре Гордееве, у нас планировалось 18 млрд долларов поддержка села. После прихода его преемницы, мы скорректировали до девяти. После прихода очередного преемника, скорректировали до 4,4. Посчитайте по курсу, что такое 242. То есть получается, что мы уже выходим из периода льготной адаптации, а мы реально своему селу ни разу не оказали то, что брали на себя. Это что касается сельского хозяйства.

Но аналогично была программа развития сельского хозяйства, которая предполагала к 2018 году поддержку сельскому хозяйству минимум 16 млрд долларов. Но только я хотел бы, чтобы вы еще раз учли. У нас величайший банкир мира Набиуллина, на самом деле, девальвировала валюту. И вообще, страны для чего девальвируют валюту? Для того чтобы получить преимущество, прежде всего, в экспорте.

[01:40:02]

Но если вы посмотрите, то наше горе-правительство не только этим не воспользовалось, но фактически профукало и эту диспозицию. Хотя население фактически за счет своего кармана проинвестировало эти вопросы. Поэтому мы просили бы вас. Вот здесь Вячеслав Вадимович сказал вам свою электронную почту. Вы можете на сайт МЭФ выйти, там тоже все координаты есть. Мы просим конструктивно продолжить нашу работу, потому что МЭФ нам удалось на протяжении уже седьмого года сделать постоянно действующей площадкой. И круглые столы по тематике мы проводим даже по территории.

Поэтому мы просили бы вас, если у вас есть запрос на какие-то темы злободневные, которые вы видите, не находят площадки и соответствующего привлечения специалистов, тоже такие заявочки направлять, потому что сейчас формируются как раз программа круглых столов МЭФ на перспективу до следующего форума. Вот это, скажем, такие объявления.

А я хотел бы еще раз и докладчиков поблагодарить за ваш труд и представленные доклады. Поблагодарить и тех, кто был неравнодушен, и участников, которые, несмотря на затяжку, которую мы допустили, приносим извинения, набрались терпения и приняли участие. И переводчиков давайте отдельно поблагодарим. Они в принципе качественно

МЭФ-2018: конференция №6 «Международная торговля и ВТО: как обеспечить равные условия?»

отработали, несмотря на скороговорку, которую использовали некоторые докладчики. Удачи вам и успехов, будьте здоровы. Спасибо.

Вячеслав Пронин: Спасибо.

[01:42:00] [Конец записи]